

Константы и переменные культуры в языковом пространстве украинских медиа

ЛАРИСА И. ШЕВЧЕНКО
(Киев)

Лингвистическая теория новейшего времени, преодолевая инерцию традиционного отнесения языковедения к эмпирике, доказательности постулированных идей исключительно конкретикой языкового факта, ставя под сомнение описательный метод как возможность реализовать фундаментальные принципы научного познания мира – анализ и синтез – актуализирует междисциплинарные проблемы. Среди них важная, соразмерная с объектностью различных наук, хоть и решаемая в теоретических парадигмах конкретного научного направления, – проблема констант и переменных в функционирующем языке, его стилевых и коммуникативных локусах.

Научные категории „константа” и „переменная” (и соответствующее им множественное число – „константы” и „переменные”, когда речь идет о типологии явления) буквально пронизывают теорию познания. В естественно-научной сфере, в частности физике, константы являются особенными числовыми множителями, инструментально обеспечивающими формулирование физических и математических законов. К таким, в частности, относят число π , получаемое вследствие деления длины окружности на радиус (3,141592653589793238462643...).

Объективность констант коррелирует с динамикой постижения мира, и сегодня терминологичностью обладают персонифицированные констан-

ты (переменные), такие как константа Планка, константа Больдсмана, константа Хабла и т.д., равно как и другие мировые константы, к примеру, – скорость света, заряд электрона и под.

История науки в логике своего развития является историей постижения констант – оснований миропорядка, его устойчивых измерений. Теорема Пифагора (квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов) формулирует константу, лежащую в началах геометрии, а математическая формула $a^2 + b^2 = c^2$ является научной абстракцией закономерности в измерении пропорций катетов и гипотенузы треугольника. Константы определяют законы, некое *status-quo*, уравнивающее бытие и гипотетически предполагающее движение научной мысли к пониманию / открытию / формулированию новых постоянных.

Константы не являются объектом только естественно-научного познания. Единый мир сущего регулируется универсальными законами, основанными на константах. Константа Леонардо да Винчи – „золотое сечение” – выражает универсальную субстанцию человека и его производных (математическое выражение „золотого сечения” – дробь, возникающая при делении отрезка AC точкой B, т.е. $AB/BC = AC/AB$, что соответствует $5/3$, или же, точнее, $8/5$, и далее по степени точности – $13/8$ и т. д.). Известно, что константное равновесие определяет гармонию, изобразительный ряд в живописи, музыке, пластических искусствах, звуковой в поэзии и даже постоянные в графике и алфавите.

Коррелирующие с константами переменные имеют другую природу и, соответственно, характеристики. Так, к примеру, физические переменные в уравнениях движения – пространственно-временные или же вероятности – диспозициональны по отношению к константам в модели мира и его составляющих. Мировые константы, как известно, обладают устойчивостью значения, неизменностью, фиксированностью. В то время как переменные нефиксированы и в течение процесса могут принимать различные значения. Их движение, вариативные значения, создаваемые новые смыслы равновелики функциям. Переменные лабильны, провокационны как импульс к изменениям, к эволюционному движению, к реструктуризации сформировавшейся в нашем сознании картины мира.

Общие характеристики констант и переменных локализованы объектно и предметно конкретно-научных исследований. И в этом, как нам видится, естественное движение все более углубленного постижения

бытия. Логично, что в наиболее общем понимании исследуемых категорий константы и переменные часто являются предметом философских размышлений. Историки философии в определении сущности названных понятий обращают внимание на попытку (нетерминологическую) обосновать их в значении концептов культуры, предпринятую еще Г.В. Лейбницем (работа относится к 1703–1704 гг., хотя опубликована в 1765 г.). Критически осмысливая *Опыт о человеческом разумении* Дж. Локка (1690), Г.В. Лейбниц считает необходимым отметить, что его позиция не совпадает с научной системой Дж. Локка, формирующейся под влиянием взглядов Аристотеля. Аргументация Г.В. Лейбница опирается на идеи Платона и схоластиков, толкующих известное место в послании Св. Павла к римлянам (II, 15), где Св. Павел говорит: „Закон Божий написан в сердцах” (Лейбниц 1983: 48).

В характерной для средневековой философской литературы форме диалога, где в споре между Филалетом и Теофилом представлены взгляды Дж. Локка и Г.В. Лейбница, последний дискутирует относительно мнения Дж. Локка о новорожденной человеческой душе как некоей *tabula rasa*, лишь впоследствии обретающей некий эмпирический опыт. По мнению же Г.В. Лейбница, душа, напротив, уже при рождении имеет определенные понятия и принципы, которые не приобретаются эмпирически. Обосновывая теорию бессознательных воздействий, под влиянием которых способная к анализу душа совершенствуется, уточняя смыслы и значения понятий, Г.В. Лейбниц приходит к мысли: „[...] Если можно сказать о каком-нибудь отдельном предложении, что оно врожденное, то можно будет утверждать на том же основании, что все предложения, которые разумны и которые дух мог бы считать таковыми, уже заключены в душе” (Лейбниц 1983: 78). Таким образом, в формулировке Г.В. Лейбница заключено утверждение о врожденных принципах, а также истинах, которые способствуют познанию мира, так как являются рациональными, соотносимыми и, следовательно, позволяющими духу определять связи между явлениями. Исследователями справедливо замечено, что хотя Г.В. Лейбниц и не использует термин „константа”, однако его **врожденные понятия** – **принципы** являются, по существу, аналогами неких „постоянных концептов, которыми человек начинает оперировать с момента рождения” (Гайдин 2008: 241).

В различных определениях и постижениях констант и переменных, которые рассматривала научная мысль, особенное место занимают константы культуры, изученные Ю.С. Степановым в известном энциклопедическом издании (Степанов 2004). Константы Ю.С. Степанова рассматриваются как концепты, они собственно и являются категорией определенного уровня абстракции, существующей „над индивидуальными употреблениями”.

Мотивирующая аналогия исследователя констант культуры распространяется на математику:

многие математики, если не большинство, считают, что понятия числа и множества, или, точнее, число и множество, существует в действительности, независимо от нашего знания о них. Некоторые исследователи – с большим или меньшим основанием [...] называют такой подход платонизмом [...] (Степанов 2004: 8).

Очевидно, в предложенном взгляде на константы культуры (концепты) внимание Ю. С. Степанова сосредоточено на абстрагирующей способности констант определять характерный семантический признак, некую типологию смысла (множество), мотивирующего и одновременного предвосхищающего индивидуальное понимание / употребление. Важно и отнесение предложенного подхода к эпистеме платонизма. Заметим, не в системной аргументации философской концепции Платона, а в общей постановке вопроса о реальном существовании идеи / абстрактной сущности / независимого от нашего сознания смыслового множества.

В *Предисловии к 1-му изданию* словаря Ю.С. Степанов акцентирует внимание именно на этом, „главном вопросе, на который он должен ответить” – „**вопросе о существовании**”. Вопрос существования ставится не только по отношению к константам культуры (концептам), но и „применительно ко всем уровням концепта, ко всем этапам его исследования” (Степанов 2004: 8). Постановочная как определение принципов организации и анализа материала в лексикографическом издании проблема, в широте научного взгляда Ю.С. Степанова обретает новую перспективу – возможного рассмотрения уровней концепта и, что особенно важно в контексте заявленной нами проблематики, различных этапов и подходов к его существованию.

Впрочем, в словарной статье *Константа* Ю.С. Степанов в развитие понимания констант культуры предлагает и другой ракурс их осмысления, а именно – „некоего постоянного принципа культуры” (Степанов 2004:

84), реализующегося, в частности, в алфавитах и алфавитных текстах (обращает в этой связи на себя внимание ссылка автора на более раннюю публикацию *Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия* (1993), подготовленную к печати в соавторстве с С.Г. Проскуриным (Степанов, Проскурин 1993). При таком подходе принцип создания алфавитов экстраполируется в различных культурах на модель „устройства мира”. Следовательно, обосновываются константы – принципы, упоминаемые нами ранее в связи со ссылкой на взгляды Дж. Локка и Г.В. Лейбница. Заметим, что обозначенная исследовательская позиция осмысливается в близкой Ю.С. Степанову аргументации и другими выдающимися учеными, названными Ю.С. Степановым философом Этьеном Жильсоном и лингвистом Э.А. Макаевым, а еще – системным научным интерпретатором палеославистики – македонским филологом П. Илиевски и многими другими.

Оба анализируемых подхода к определению констант не противоречивы и не взаимоисключаемы, как и их более глубокое рассмотрение в антиномии „априорные (доопытные)” и „апостериорные (опытные, эмпирические)”. Так как все базовые концепты можно изучать как константы (Степанов 2004: 84) в различных парадигмах – по типологии, уровню абстракции, функциональному и коммуникативному потенциалу, маркированности этнической и культурной отнесенностью и пр. Так, правомерно, по нашему мнению, говорить о константах определенного времени культуры („горизонталы культуры”). Очевидно, что смена идеологических, социальных, культурных доминант в обществе приводит к „затуханию”, часто трансформации смыслов культурных констант (концептов), иногда утраты смысла либо формирования понятийной антиномии, в отдельных случаях – выведения за пределы поля культуры (как это случилось с фрагментированными по степени родства / отторжения культурными константами советского времени в современных (в частности украинском) обществах – „красным знаменем”, „красной звездой”, „красным пионерским галстуком” и т. д.).

В этой плоскости исторически сформированных представлений (ценностей), характерных для многих поколений, – и представлений (ценностей) определенного времени (эпохи, социально-политического строя) состоит различие, на наш взгляд, между константами и переменными культуры. Константами в социуме будут символизированные этнические

ценности, опорные для этических, эстетических, мировоззренческих представлений народа (этические – „совість”, „дружба”, „братерство” „воля” и др., или же маркеры национального самосознания – „Дніпро”, „Дунай”, „козацька могила”; „червона китайка”, „битва під Жовтими Водами”, „Переяславська Рада” и т.д.; отражающие эстетический патерн этнической культуры – „зелена діброва”, „ясна зоря”, „біла хата”, „червона калина”, „вишневий садок”, „чорнобрива, білолиця дівчина” и т.п.).

Общая постановка вопроса о функциональном потенциале констант, соразмерных с этническим измерением культуры, не позволяет, впрочем, обозначить их уникальную специфику в различных коммуникативных локусах современного языкового пространства. Прежде всего в медиа – сфере динамичной социальной коммуникации, имеющей ряд доминантных характеристик, главными из которых, как известно, являются информирование и одновременно воздействие на коммуникатора – реципиента определенного времени культуры. Этнически маркированные константы (концепты) культуры обладают свойствами прямого и непрямого (латентного / контекстного) воздействия на сознание, ибо апелляция таких констант в медиа обращена к традиционной модели мира во всем ее причинно-следственном многообразии. Так, в частности, в народном сознании метафорически представлены концепты-параллели между временами года (их цикличностью, признаками) и человеческой жизнью: „весна”, „літо”, „осінь”, „зима” – „життя”, „творчості”, и соответственно (по метонимической модели), „розквіт країни”, „врожай виборів”, „замерзання економіки”, „потепління в політичних дискусіях про майбутнє країни”, „пропагандистські жнива” и под.

Очевидна адресность и большой коммуникативный потенциал названных и подобных этнически маркированных культурных констант: их семантика фокусирует внимание на опыте, но одновременно и рефлексии на этот опыт. В коммуникативной медиамодели „информировать и воздействовать” вербализация экстралингвистически поставленной задачи всегда соотносима с маркированностью культурных констант – „інформаційний дощ обіцянок”, „ранній сніг політичної зими”, „жарке літо політичних баталій” и др.

Социальный индивид определенного времени культуры воспринимает апелляции медиа к его языковому сознанию и реагирует на них в соответствии с предполагаемым эффектом.

В медиа, ярком вербализированном отражении массового сознания конкретного времени культуры (ее горизонталей), специфика языкового проявления этнических культурных констант может выражаться в совокупности признаков – частотности употребления, расширении / сужении семантики (смысловые доминанты концепта, реализуемые в тексте), возможностях лексико-синтаксической сочетаемости в синтагме, способности к авторской интерпретации и трансформации, возможности к дальнейшей фразеологизации (символизации) в пространстве культуры.

Очевидно, язык как открытая система отражает время культуры в рефлексии на окружающий мир. Медиа являются особенной, специфической рефлексией массового сознания, где концептуализированные этнические маркеры времени обретают новые смыслы – **переменные в эволюции культуры, но обладающие неким постоянством, определенной константностью в горизонтали культуры**. В частности, смысловое поле концепта *семья* относит к традиционному пониманию ценностей, формируемых в социальной структуре общества – любви, добра, заботы, связи поколений и пр. Иные, характерные для нашего времени смыслы, постулируются и прочитываются в медиа, когда речь идет о „мафиозной семье”, „политической семье”, „коррупционной семье”, „бизнес-семье” и т.д.

Заметим, массовое сознание каждого определяемого времени культуры имеет свою специфику, референцией которой во многом и могут служить этнические константы культуры. При этом горизонталей культуры множественны, а исследовательское членение по принципу горизонталей предполагает либо ссылку на научную традицию, либо авторское обоснование выделения в отдельный анализируемый сегмент языкового материала определенного времени культуры. Так, относящееся к фразеологизированным единицам украинского языка обращение „любі друзі” (отражающее устойчивую модель этнической межличностной коммуникации) в новейшей истории Украины обрело новый смысл: именно так воспринимают и иронически называют в современной Украине ближайшее окружение одного из бывших президентов (Нова влада займається тим самим, що й попередники, – розподілом посад, концентрацією повноважень, вирішенням бізнесових питань своїх „любих друзів” („Країна” 2014, № 46 (249)). В этом же ряду „хлеб” как концептуализированная константа жизни на земле и пародийный „золотой батон” – переменная псевдо-

культуры, гипертрофированного богатства, отражение недавней политической и социальной жизни в стране.

Технологии медийного воздействия апеллируют к традиции, латентно присутствующей в массовом языковом сознании. При этом актуализируется семантика слова в новых, характерных для определенного времени культуры концептах. Поскольку „достоинство” (укр. гідність) относится к морально-этическим константам сознания, возникает маркер-номинация „Революція гідності” („**Революція гідності** дала шанс на зміни” („Країна” 2014, № 43 (246)); „Після **Революції гідності** [...] в іноземних інвесторів зажеврила надія, що безлад і беззаконня, які панували за часів режиму Януковича, підуть у небуття” („Газета по-українськи” 2014, № 92 (1743)) и др.). Аналогично константная для массового сознания цветовая символичность (белый – концептуально соотносим с представлением о чистоте, незапятнанности и пр., голубой и весь соотносимый с этим цветом синонимический ряд – с высотой, светлыми помыслами и т.д.) продуктивна для формирования переменных, доминантных для конкретного времени культуры. К примеру, фактом новейшей истории является не только визуализация одной из политических партий в белом цвете (символика, акционная партийная одежда и пр.), но и партийная риторика, обращенная к свету, чистоте (и чистке) партийных рядов, борьбе с социальной несправедливостью и т.д. Более того, отражение прогнозируемых сдвигов в семантике слова (соотносимого с картиной мира этноса) и, соответственно, формирование новых маркеров культуры достаточно последовательно представлено в онимах, где „Небесна сотня”, „Помаранчева революція” и пр. определяют во многом дискуссионное поле современных украинских медиа и смыслово, и в частности обращения к этим понятиям. Характерный пример: „[...] коли за три виснажливі місяці все скінчилося і сотні тисяч віддавали останню шану **Небесній сотні**, «політичної еліти» там уже не було” („Газета по-українськи” 2014, № 92 (1743)).

Новые концепты, или же коммуникативные маркеры горизонталы культуры, определяют во многом ее облик в массовом сознании, продуцируя новые и новые семантические производные. Доминанта последнего десятилетия „Помаранчева революція” определила возникновение понятий „помаранчевий синдром”, „помаранчеві діячі”, „помаранчеві гасла”, „помаранчева команда” и т.д. И в развитие переменного концепта (с точки

зрения закономерностей культуры) многочисленные номинации типа „постпомаранчевий розвиток”, „постпомаранчевий синдром”, „постпомаранчева економіка” и т.д., что в целом сегментирует явление „постпомаранчевого періоду” (ср., к примеру, характерный для украинских масс-медиа контекст: „Якщо вдасться поставити країну на перший план, то все вдасться. Як ні – отримаємо **постпомаранчевий період**” („Країна” 2014, № 43 (246))).

В этой связи следует напомнить утверждение Ю.С. Степанова о том, что чем выше уровень культуры, тем выше уровень культурных обобщений, абстракций, символических форм, актуализированных современной гуманитаристикой в понятии концепта (Степанов 2004: 3). В массовой культуре, в частности, медийной, тезис выдающегося филолога соотносим с коммуникативной спецификой: идеи символичны, но и осязаемы. Наблюдаем определенную „натурализацию” идеи, смысла, концептуальной абстракции, некий поворот к сокращению дистанции между концептом и прямой номинацией. Так, наиболее репрезентативный по частотности концепт „майдан”, перманентно характеризующий возникающую политическую ситуацию в Украине, прочитывается в медиа и буквально, и символически: „Кілька сотень людей під парасольками, холодний дощ і великі калюжі. Так розпочинався торік **Майдан**” („Газета по-українськи” 2014, № 92 (1743)); „3 часу перемоги **Майдану** ЄС, США й міжнародні агентства надали Україні на 1,2 млрд. доларів допомоги [...]” („Країна” 2014, № 43 (246)); «Страх стати новою жертвою **Майдану** може підштовхнути Порошенка до авторитаризму [...]” („Країна” 2014, № 46 (249)).

Определенная лабильность между константами и переменными свойственна медийной коммуникации как вербализированной форме массового сознания. Эта подвижность является признаком специфики общения в исследуемой сфере и одновременно референцией времени культуры, как уже определялось выше. Так, связаны в общественном сознании с конкретным историческим периодом, страной и понимаемыми современниками действиями персоналии, ставшие общепризнанными символами перемен и достижений. В когнитивном аспекте они константы, но имеют также признаки переменных, так как число их изменяемо, действия могут комментироваться по-разному и, главное, понимание достижений следует рассматривать только в горизонтالي культуры: „Не впевнений, що наша влада зможе себе поводити, як **Бальцерович у Польщі, Лі Куан Ю у Сингапурі, Черчилль у Британії** чи де Голль – у **Франції**” („Країна”

2014, № 43 (246)). Или же символизированный для украинских медиа коммуникативный маркер экономического успеха – *план Маршалла* („**План Маршалла** для України, як і для країн Західної Європи після Другої Світової війни, – це фінансовий інструмент реалізації економічної політики країни” („Країна” 2014, № 43 (246)); „Розмови про «**План Маршалла**» для України нагадують легенду про скарби гетьмана Полуботка у Великій Британії. Ми віримо не у власні сили, а в те, що хтось щось дасть, або за нас зробить” („Країна” 2014, № 43 (246))).

Иной аспект – совокупность таких концептов, являющихся маркерами общественного сознания и массовой коммуникации во времени культуры, а также отношений между ними, дает представление об облике народа, его приоритетах и представлениях о будущем. Тогда в силовое поле уже названного „майдана” будут втягиваться и соотносимые с ним понятия: „уряд-камікадзе” („[...] новий Кабінет Міністрів Прем’єр Арсеній Яценюк назвав його тоді «**урядом-камікадзе**» – з огляду на жорсткі реформи, які той мав запустити” („Країна” 2014, № 43 (246)); „Якщо все залишити, як є, так званий **уряд-камікадзе** доведе країну до колапсу” („Країна” 2014, № 43 (246))), названия политических партий и общественных движений („Уряд може бути лише коаліційний, адже його створює парламентська більшість. Ключову роль гратимуть «**Блок Петра Порошенка**» і «**Народний фронт**»” („Країна” 2014, № 43 (246))), стран-партнеров либо конкурентов на мировой арене („**Піднебесна** зайняла вичікувальну позицію” („Країна” 2014, № 46 (249)); „**Америка** розуміє: якщо залишити все, як є, то **Китай** рано чи пізно стане невразливий. Бо час грає на **Пекін** і проти **Вашингтона**” („Країна” 2014, № 46 (249)) и др.) и многие другие концептуализированные понятия, создающие картину мира определенного времени, социума и тенденций его развития.

В медиа зеркально отражается социальный портрет общества, даже тогда, когда напряжение коммуникативного поля актуализирует константы культуры, обладающие вневременной, символической семантикой. Соответственно, „Пизанская башня” в ее историко-культурном определении нечто иное, чем сформулированный по метонимическому признаку маркер „пизанська вежа економіки”, „римский Колизей” как символ императорского могущества семантически антонимичен концептуализированному понятию „Колізей на Печерських пагорбах”, а „древняя Византия” опять-таки только метонимически коррелируется с „византийщиной” во

фразе: „У нас – суцільна **візантійщина**. Бюрократія гірша, ніж була в 1990-х” („Країна” 2014, № 43 (246)).

Безусловно, современное медиапространство неоднородно – оно представляет различные культурные страты, различные политические взгляды, социальные измерения общества, личностные позиции и прочее. Однако коммуникативная сфера медиа имеет характерные признаки экстра- и интралингвистической взаимозависимости, достаточно глубоко разработанные в гуманитаристике.

В медиа как специфической коммуникативной среде критерии совершенства подвижны, часто подчинены акту коммуникации. Именно здесь происходят сегодня активные процессы развития языка, обретения словом нового смысла, семантического сдвига, быстрого преодоления дистанции от номена до символа. Обществом, резко трансформирующим социально-политические системы, свойственны не только общие тенденции развития социальной коммуникации, но и черты особенные. К ним относятся, в частности, жадный поиск национальной идентичности, часто на словесном уровне представляющий некую диффузию культуры, смешение культурных уровней и, конечно же, коммуникативную релевантность констант и переменных. Игра со словом, смыслом, семантикой, движение концепта к инвариантности, изменение коммуникативного статуса как признак эффективности стилистически сформированной задачи – все это свидетельствует о перспективе лингвистических размышлений о релевантности категорий „константы” – „переменные” в проекции на медийную действительность.

Литература

Гайдин Б.Н., 2008, *Вечные образы как константы культуры*, „Научный потенциал: Работы молодых ученых” № 2.

Лейбниц Г.В., 1983, *Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии*. – Г.В. Лейбниц, *Сочинения в 4 тт.*, т. 2, Москва.

Степанов Ю.С., Проскурин С.Г., 1993, *Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия*, Москва.

Степанов Ю.С., 2004, *Константы: Словарь русской культуры*, Москва.

Constant and variable units of culture in the language space of Ukrainian media

The article deals with the question if the categories of “constant” are “variables” in a projection on media communication. Status of these categories in science, their features in a natural-science and human comprehension are examined. Constants and variable units of culture are analyzed in their dynamic development. Media communication is interpreted in the context of representation of mass language awareness through the active processes of language development. The author pays attention to the invariance of cultural constants in the media, their certain semantic and functional diffusion in relation to the variable units of culture in media communication.

Keywords: constants, variables, concept, cultural marker, media communication, semantics of word, communicative status of word.